

RU

Правило односубъектности при употреблении деепричастий: языковая норма и узус

Кузнецова С. М.

Аннотация. Цель исследования - соотнести грамматические нормы употребления деепричастий с узусом и объяснить причины нарушения формального правила односубъектности при употреблении деепричастий в предложениях разного типа. Научная новизна исследования заключается в том, что случаи формального нарушения правила односубъектности, традиционно считающиеся грамматическими ошибками, рассматриваются как языковые закономерности, обусловленные семантико-синтаксическими особенностями деепричастий. В результате исследования определено, что правило односубъектности может быть расширено и дополнено; выявлено, что ошибки, допускаемые при употреблении деепричастий, обусловлены эгоцентрическими механизмами языка.

EN

Monosubjectivity Rule When Using Adverbial Participles: Language Norm and Usus

Kuznetsova S. M.

Abstract. The paper aims to relate grammatical norms of adverbial participles usage with the usus and to explain the reasons for the violation of the formal monosubjectivity rule when using adverbial participles in the sentences of different types. The scientific originality of the research lies in the fact that the cases of formal violation of the monosubjectivity rule traditionally viewed as grammatical mistakes are addressed as regularities of language based on the semantic-syntactic features of adverbial participles. As a result, the study has revealed that the monosubjectivity rule can be expanded and complemented; it has also identified that the mistakes made when using adverbial participles are based on the egocentric mechanisms of language.

Введение

На современном этапе развития русского языка употребление такой нефинитной формы глагола, как деепричастие, вызывает определенные трудности. Стоит отметить, что, несмотря на наличие четкого правила включения в предложение деепричастия / деепричастного оборота, говорящие и пишущие не перестают нарушать языковые нормы.

Проблема употребления деепричастных оборотов в речи достаточно старая: она находится в поле зрения грамматистов начиная с XVIII века, при этом функционирование названных языковых единиц рассматривается преимущественно в рамках соответствия норме. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что на современном этапе важна не оценка включения в предложение полупредикативных деепричастных конструкций с точки зрения соответствия формальному правилу, а анализ синтаксических возможностей деепричастия в синхронии, в первую очередь в реальном узусе.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- изучить традиционную формулировку правила употребления деепричастий / деепричастных оборотов;
- рассмотреть случаи употребления деепричастий / деепричастных оборотов в предложениях с разными типами субъекта в именительном падеже;
- проанализировать случаи употребления деепричастий / деепричастных оборотов в предложениях с разными типами субъекта в некоторых косвенных падежах;
- проанализировать случаи употребления деепричастий / деепричастных оборотов в пассивных конструкциях;
- изучить функционирование производных предлогов и вводных конструкций, образованных от деепричастий / деепричастных оборотов с точки зрения соблюдения правила односубъектности.

Основными методами, используемыми в рамках настоящего исследования, являются синтез, анализ, метод качественной обработки информации, контент-анализ отрицательного языкового материала.

Теоретической базой исследования являются работы А. П. Вьясовой (2020): рассмотрение правила односубъектности как результата возникновения деепричастия из нечленного причастия, положение о том, что грамматические ошибки нужно рассматривать как трансформацию синтаксических свойств деепричастия; Н. К. Онипенко, и О. С. Биккуловой (2014): рассмотрение деепричастия как «модально нагруженной формы», положение о нормативном употреблении деепричастий в пассивных конструкциях; Е. В. Падучевой (1996): понятие нарративного режима интерпретации; М. В. Панова (1999): положение о «шкале нормативности» при употреблении деепричастий, допущение отклонений от правила односубъектности.

Материальной базой исследования послужили реальные языковые контексты употребления деепричастий, отобранные при помощи Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/new/index.html>), а также результаты анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года, опубликованные на сайте Федерального института педагогических измерений (Цыбулько, Крайник, 2021).

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования можно использовать в процессе преподавания синтаксиса русского языка при рассмотрении деепричастий для понимания семантико-синтаксической природы названных единиц языка, а также для предупреждения грамматических ошибок. Кроме того, настоящее исследование позволяет уточнить традиционное правило односубъектности.

Основная часть

Обычно при изучении норм употребления одиночного деепричастия / деепричастного оборота приводится формулировка правила односубъектности – соотносимости субъекта при предикате с субъектом деепричастного оборота – без рассмотрения различий между двумя терминами – всем привычным подлежащим и семантическим субъектом. При этом основное внимание, как правило, уделяется тем формам, при которых употребление деепричастия / деепричастного оборота нормативно. Такую формулировку правила употребления деепричастных оборотов видим, например, в классическом справочнике по правописанию и стилистике под редакцией Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб (Розенталь, Голуб, 2003), на информационно-справочном портале Грамота.ру (<http://gramota.ru>). Однако еще М. В. Панов (1999, с. 224), рассуждая об употреблении деепричастий, отмечал, что существует грамматическая «периферия» и «шкала нормативности» и некоторые случаи использования деепричастий в односоставных безличных предложениях допустимы.

Нормативными вариантами употребления деепричастного оборота признаются случаи, когда подлежащее (= субъект) представляет собой форму именительного падежа. Однако такое утверждение представляется не совсем корректным. С точки зрения семантики, отнюдь не любой субъект может безоговорочно употребляться в полупредикативной конструкции. Безусловно, нормативным будет употребление одушевленного субъекта:

(1) *И не успел старик, придя на рынок, вынуть из тряпицы шкатулку, как налетели покупатели* (НКРЯ. Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996).

Использование же при деепричастии / деепричастном обороте неодушевленного субъекта вызывает вопросы. Формально грамматические (синтаксические) нормы при этом не нарушаются, однако возникает логический диссонанс, поскольку неодушевленный субъект не может совершать целенаправленное действие: *Комод, стоя у двери, загораживал проход*.

Анализ реальных языковых контекстов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/new/index.html>) показывает, что примеров употребления деепричастного оборота при неодушевленном субъекте крайне мало. В основном, это предложения с производными предлогами *начиная с...*, *включая...*, которые утратили акциональное значение и посему на современном этапе могут употребляться с неодушевленными субъектами. Очевидно, использование деепричастий / деепричастных оборотов со значением действия в широком смысле на уровне языкового чутья воспринимается носителями языка как некорректное.

Анализ языковых контекстов показывает, что употребление деепричастий при неодушевленных субъектах возможно в узусе, если существительное приближается к сфере личного субъекта (Я-сфере), что допускается семантикой субъекта или семантикой деепричастия. Н. К. Онипенко и О. С. Биккулова (2014, с. 267) отмечают, что такое употребление возможно, если предикат при неодушевленном субъекте является динамичным, то есть имеет значение движения / изменения положения в пространстве.

Приведем примеры:

(2) *Выходя на поверхность раздела «вода-воздух», МАВ-волны разделяются... на электромагнитную и акустическую компоненты и частью уходят с поверхности водного зеркала в атмосферу* (НКРЯ. В. К. Паламарчук, В. Р. Кирейтов. Проблемы информационного обеспечения и построения системы ближнего прогноза землетрясений // «Геоинформатика», 2000.06.01).

В данном примере субъект представлен неодушевленным существительным *волны*, однако семантика субъекта предполагает перемещение в пространстве, и поэтому употребление деепричастного оборота нормативно.

(3) *Разве что солнце уходит, по мысли архитектора, именно в такой замок и ночует там, скрывшись за горизонтом...* (НКРЯ. Алексей Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой (2002)).

Как и в предыдущем примере, в данном контексте деепричастный оборот соотносится с неодушевленным субъектом *солнце*, который способен перемещаться в пространстве.

Как известно, тексты художественного стиля порой не подчиняются общеязыковым правилам. Изучение контекстов употребления деепричастных оборотов в произведениях литературы показало, что при нарративном режиме (термин Е. В. Падучевой (1996)) грамматические возможности деепричастий расширяются.

Безусловно, лирические произведения являются квинтэссенцией субъективности: стихотворные тексты мы «приписываем» первому лицу – лирическому герою. В данных текстах запрет на использование неодушевленных существительных в качестве объекта нередко нарушается.

На это обращают внимание Н. К. Ониненко и О. С. Биккулова (2014, с. 268), приводя в пример строки из стихотворения И. Бродского: *Только подумать, сколько раз, обнаружив «м» в заурядном слове, / Перо спотыкалось и выводило брови!* У И. Бродского при неодушевленном субъекте перо употреблены акциональные предикаты *спотыкаться* и *выводить*, однако в данном случае перед нами олицетворение, благодаря которому создается образ лирического героя – поэта. В его руках все оживает: и бумага, и перо, и слова.

Приведем аналогичный пример употребления деепричастного оборота из современного лирического текста:

(4) *Где опечатка зрочка
смотрит в тебя из волчка,
лязгая тихо ключами...*

(НКРЯ. Н. Е. Горбаневская. «Кто о тебе виноват...» (2010)).

Очевидно, автор использует метафору «опечатка зрочка», указывающую на личную сферу лирического героя, поэтому употребление деепричастного оборота здесь оправдано.

Иногда в лирических текстах при помощи деепричастий автор одушевляет окружающий мир. Подобное использование деепричастий мы видим, например, у Ф. И. Тютчева, считавшего, что природа есть существо разумное, живое, чувствующее:

(5) *Деревья радостно трепещут, / Купаясь в небе голубом* (НКРЯ. Ф. И. Тютчев. «Сияет солнце, воды блещут...» (1852)). Олицетворение в приведенном отрывке строится на глаголе и деепричастии, употребленных при субъекте «деревья», который по сути своей статичен.

Этот же прием видим в стихотворениях Б. Л. Пастернака, чья натурфилософия близка тютчевской:

(6) *Вот путь перебежал плотину, / На пруд не посмотревши вбок* (НКРЯ. Б. Л. Пастернак. Дорога («То насыплю, то глубину лога...»)) (1957)).

В приведенном фрагменте текста трактовать употребление деепричастного оборота при слове *путь* можно по-разному: это объясняется и одушевлением окружающего мира, свойственным Б. Пастернаку, и тем, что лирический герой здесь растворен в пространстве, это лирическое Я совершает путешествие и стремится вдале, не замечая пруд по дороге.

Случаи употребления субъекта в косвенном падеже (например, в дательном падеже без предлога) в грамматиках и в справочниках по стилистике не признаются нормативными (Розенталь, Голуб, 2003).

Анализ реального языкового материала показывает, что случаи употребления деепричастного оборота при существительных или местоимениях в косвенных падежах достаточно частотны. Об этом, например, свидетельствуют результаты анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года, опубликованные на сайте Федерального института педагогических измерений (Цыбулько, Крайник, 2021). Согласно приведенным данным, среди допущенных выпускниками при написании сочинения грамматических ошибок третье место по частотности занимают именно ошибки в построении предложений с деепричастным оборотом (Цыбулько, Крайник, 2021, с. 18). Указанные ошибки заключаются в употреблении деепричастного оборота при субъекте в косвенном – дательном – падеже:

(7) *Действительно, относясь к людям хорошо, рано или поздно, тебе начнут отвечать также* (Цыбулько, Крайник, 2021, с. 18-19).

Аналогичные примеры находим и в НКРЯ:

(8) *Не зная людей в лицо, мне сложно оценить...* (НКРЯ. Коллективный форум (2010-2011)).

Возникает закономерный вопрос: почему носители языка допускают подобные ошибки при наличии хорошо известного, изученного в школе правила односубъектности? Очевидно, говорящий или пишущий в подобных контекстах использует деепричастие как эгоцентрический механизм: предъясвляет себя без использования формы именительного падежа, а иногда вообще без употребления местоимения, то есть налицо синтаксический нуль (нуль модусного субъекта): в примере (7) для говорящего очевидно, что производитель действия в деепричастном обороте и реципиент в основной части предложения – одно и то же лицо; аналогично в примере (8) для говорящего ментальный глагол *знать*, от которого образовано деепричастие, и оценочный глагол *оценить*, используемый в основной части, могут «принадлежать» исключительно Я, поскольку относятся к личной сфере, то есть субъект априори совпадает.

Ненормативными считаются случаи употребления деепричастных оборотов в предложениях с пассивными конструкциями (Ицкович, 2009, с. 99-100). Запрет на употребление деепричастий в подобных предложениях понятен, если говорящий / пишущий понимает разницу между семантическим (логическим) субъектом и формальным подлежащим: деепричастие не удовлетворяет требованиям соотносимости (корреспондентности) субъектов, поскольку подлежащим здесь является не субъект, а объект: *«Получив признание широких читательских масс, книга была переиздана»* (Розенталь, Голуб, 2003).

Отметим, что не все современные синтаксисты говорят о запрете употребления деепричастия в составе пассивной конструкции. Допускается использование деепричастного оборота в том случае, если в пассивную

конструкцию включены глаголы, передающие эмоциональное состояние (Богданов, Воейкова, Евтюхин, 2007, с. 536): *Через много лет, читая Хлебникова, я был поражен простотой, с которой он выразил это чувство* (В. Каверин) (Богданов, Воейкова, Евтюхин, 2007, с. 536). С данной точкой зрения нельзя не согласиться: в подобных предложениях подлежащее представляет собой не собственно объект, а субъект чувствующий (экспериментер, согласно теории семантических ролей), что делает возможным употребление деепричастий.

Анализируемое правило односубъектности также не работает для ряда конструкций, в которых деепричастия утратили глагольное (акциональное) значение и перешли в разряд производных предлогов: *исходя из, судя по, включая / исключая, начиная с, заканчивая...* Класс данных предлогов является открытым, сегодня в него стремятся формы, образованные от некоторых ментальных и речевых глаголов: *говорить, излагать, знать, считать, учитывать* и др.:

(9) *Учитывая мощное энерговыделение при аккреции, светимость и температура тепловой компоненты рентгеновского излучения у вращающихся аккрецирующих чёрных дыр должны быть больше, чем у невращающихся* (НКРЯ. А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», 2004).

Кроме того, правило односубъектности не работает при употреблении некоторых вводных конструкций, в основном образованных от речевых глаголов: *откровенно говоря, короче говоря, говоря словами Пушкина* и др.

(10) *Образно говоря, липкие смолы обволакивают кожные капилляры, и те перестают исправно функционировать* (НКРЯ. Анна Варшавская. Дым для дам // «Домовой», 2002.09.04).

В данном случае, как и в других случаях употребления производных от деепричастий вводных сочетаний, конструкция непосредственно связана с первым лицом (образно говоря = 'если говорить образно, то я могу сказать, что...').

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Традиционная формулировка правила употребления деепричастий / деепричастных оборотов не коррелирует с языковой действительностью, поскольку основывается на формальном соотношении анализируемых единиц языка с подлежащим.

Анализ языкового материала показал, что в узусе частотны случаи нарушения формального правила. Деепричастные обороты могут употребляться: 1) при субъекте в косвенных падежах (чаще всего в дательном падеже), что объясняется техникой синтаксического нуля; 2) при неодушевленном субъекте, если данное неодушевленное существительное принадлежит личной сфере субъекта; 3) в пассивных конструкциях, если в последнюю включены глаголы эмоционального состояния.

Кроме того, некоторые деепричастные обороты из-за потери акциональности перешли в разряд производных предлогов и вводных конструкций (образования с ментальными и речевыми глаголами), данные конструкции также не подчиняются правилу односубъектности.

Таким образом, случаи формального нарушения правила односубъектности, традиционно считающиеся грамматическими ошибками, не должны трактоваться как аномальные, поскольку обусловлены семантико-синтаксическими особенностями деепричастий. В сознании говорящего / пишущего использование при деепричастии слова в именительном падеже в позиции подлежащего не является обязательным, поскольку семантика конструкции (безличное предложение) или семантика предиката или деепричастия указывают на производителя действия, и он совпадает в предикативной и полупредикативной частях, иными словами деепричастие как модально нагруженная форма подчиняется принципам языкового эгоцентризма.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более подробном изучении семантических типов субъектов и предикатов, с точки зрения их функционирования в связке с деепричастными оборотами, а также в рассмотрении условий выбора между деепричастным и причастным оборотами при разных типах субъекта.

Источники | References

1. Богданов С. И., Воейкова М. Д., Евтюхин В. Б. и др. Современный русский язык: морфология: учебник для студентов филологических факультетов вузов. СПб., 2007. 664 с.
2. Вьясова А. П. Деепричастия и глаголы с семантикой сторонней точки зрения: вопросы нормы // Казанская наука. 2020. № 12.
3. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: URSS, 2009.
4. Онипенко Н. К., Биккулова О. С. Семантико-синтаксические возможности русского деепричастия // Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999.
7. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б. Русский язык. Орфография. Пунктуация. М., 2003.
8. Цыбулько И. П., Крайник О. М. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по русскому языку. М., 2021.

Информация об авторах | Author information**RU****Кузнецова Светлана Михайловна**¹, к. филол. н.¹ Тверской филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя**EN****Kuznetsova Svetlana Mikhailovna**¹, PhD¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. J. Kikot' (Tver Branch)¹ semicvetik19@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 24.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): деепричастие; деепричастный оборот; грамматические нормы; узус; правило од-
носубъектности; adverbial participle; adverbial participle structure; grammatical norms; usus; monosubjectivity rule.